

В ПОИСКАХ НЕПРОЖИТОЙ ЖИЗНИ

ПЬЕСА «Нас где-то ждут...» — «повесть для театра», но привычные авторские указания заменены в ней музыкальными терминами. Впрочем, о терминах можно было бы и не говорить, если бы они не отражали драматургического приема, который лежит в основе трехчастного произведения Алексея Арбузова.

Начало называется увертюрой. На просторе сцены — все основные персонажи, каждый по очереди как бы «наговаривает» свою тему. Потом начинается действие.

В маленький город, что неподалеку от Москвы, приезжает бывшая актриса Александра Ивановна Ильина. Ей предстоит наладить здесь работу совсем зачехленного Дома культуры. А пока она вместе с нами знакомится с жизнью молодых строителей. Тех самых, что сейчас «во все концы бегут» или собираются бежать отсюда: им скучно, «в них этот... интеллект играет», они, видимо, хотя более интересной, духовно богатой жизни.

Зная нашу молодежь, мы с полным доверием готовы отнестись к этой «игре интеллекта» героев пьесы. Но постепенно, знакомясь с мыслями персонажей, вслушиваясь в их диалоги и наблюдая за поступками, вдруг начинаешь понимать: да ведь сами-то по себе не очень интересны эти ребята. Занятые лишь бесплодными мечтаниями и разговорами о своей личной неустроенности, они отделены друг от друга, более того — отстранены от движения окружающей жизни.

Драматург спешит связать изолированные темы, стянуть их в контрапункте первой «ноды» (так в пьесе называются окончания актов). Неподвижны действующие лица. Говорит каждый для себя, каждый — в своем ключе. Правда, Арбузов искусно выстроил реплики, подчинил их одна другой, и появляется иллюзия их одновременного звучания. Возникает почти симфоническое отражение той жизни, которую хочет показать нам драматург.

Жизнь эта в целом представляется грустной. И тревожно звучит вопрос одного из молодых персонажей пьесы: «Ну ладно, танцуешь, веселишься — а еще что-то быть должно? Должно еще быть что-то?»

Действительно — что? Любовь? Но ее никто еще не нашел в этом городе. И, как мы поймем в дальнейшем, ее не так просто найти.

Может быть, любимое дело, работа? Как много она значит для становления характера, формирования мировоззрения: мы всегда связаны прочными творческими связями со всей нашей трудовой жизнью. Даже Василуца в «Насе маре» Иона Друцэ уж на что была занята своей личной, можно даже сказать, интимной проблемой, но все равно мы чувствовали, что привязана эта женщина мыслью к своим полям и виноградникам. Увы, молодые персонажи повести А. Арбузова, несмотря на отдельные оговорки автора, существуют вне сферы глубоких трудовых интересов.

Так уж не Дом ли культуры? Скорее всего. Именно его плохой работой все объясняют причины бедной духовной жизни городка. Мало того, электромонтер Владимир Белкин, 21 года от роду, даже в секту ушел из-за этого:

«...А что я тут, в Доме культуры, видел?... Говорят скучными голосами, что мы еще в школе проходили, а вокруг не приборно, голо... Плакаты по несколько лет одни и те же висят... Разве человеку, чтобы он добрее стал, прекраснее, это нужно?»

Мы сочувствуем, — конечно же, не это надо человеку, чтобы он стал прекраснее! И понимаем теперь, сколь сложна задача, воз-

Г. ДУБАСОВ

ложенная драматургом на плечи нового директора Дома культуры А. И. Ильиной.

В пьесе угадывается мысль о преобразующей нравственной силе искусства, о значении духовной культуры вообще в формировании человека нового общества. Сейчас, когда проблема эстетического воспитания народа становится одной из очень важных, за этой мыслью стоит многое. И, естественно, писатель волен даже в конкретной культурно-просветительной работе обычного клуба видеть некий высший смысл.

ОДНАКО теперь следует опять вернуться к началу пьесы, к той самой увертюре, где композитор на какое-то время побеждает писателя. «Чистые, ясные звуки рояля» — эта ремарка заменяет фанфары, вещающие о появлении Александры Ивановны Ильиной.

Вроде бы обыкновенная, ничем не примечательная женщина... Но вот что говорит один из героев: «Вы, Александра Ивановна, как бог Саваоф перед сотворением мира». И Александра Ивановна начинает творить «чудеса». Только раз «мы увидим Ильину, окруженную тесно сидящей вокруг нее молодежью», услышим ее просветительский, кстати, довольно банальный, монолог о театре с обязательным упоминанием Шекспира, Шиллера, Чехова и Островского — и вот уже для нас разгрызается (воспользуемся и мы музыкальной терминологией) неожиданная каденция:

— Я даже никогда и не думала, что все так интересно...

— Вот страннo, и ребята оказались не такие уж плохие...

— Сегодня опять комнату, где рояль, на ключ заперли... А я в окно залез...

— У вас, говорит, Валерия, в запасе всего пятьсот слов, а станете книжки читать — их тысячи будут... Неужели правда?

Уже и раскрылись сердца ребят, и обрела красоту и смысл их жизнь, и прекрасные порывы овладевают всеми. Даже Володя покинет вскоре свою секту и станет старостой в клубном хоре...

Вот каких результатов, оказывается, можно добиться в одно мгновение, почти без всякого труда!

«— Есть одно состояние, которое к концу жизни стало мне ненавистно, — говорит Ильина... — Покой». Зачем же драматург так спешит привести свою героиню к ненавистному ей райскому состоянию, торопливо убирая с ее пути различные реальные препятствия или заталкивая их за кулисы? Неужели потому, что, как и мы, он не верит в ее силы?

После мгновенной и волшебной победы Ильиной трудно поверить в ее недавнее поражение в бою за людей в соседнем местечке Клицкой. Как, впрочем, и в подлинность столкновения с противопоставленным ей в пьесе начальником отдела культуры Орлом. Ведь этот Орел — такая плоская, односторонняя карикатура, что с ней и бороться-то нечего: сам до конца «разоблачился».

Странный город, странная жизнь, где в общем-то неглупые ребята не в состоянии ничего изменить сами. И где в одно мгновение все меняет только что приехавшая пожилая женщина. Кстати, из ее слов мы узнаем, что и появилась-то она здесь почти случайно, в поисках где-то затерявшейся «непрожитой части... жизни» своей. Зажгла огонь в душах людей, и вот, «ни о чем не жалея», опять уже где-то далеко. «Как и в начале рассказа, в ее руках маленький чехмоданчик, и она сама совсем такая, как тогда...»

Этот многозначительный возврат к началу как бы призван убедить нас, что опять на пути Ильиной будут подобные же города, и там ждут ее подобные же дела.

И уже лезут в голову странные мысли: о вечной необходимости для людей некоего спасителя, о невозможности существования без помощи исключительной, уникальной личности (только бы она добрая была и все правильно понимала).

Вряд ли драматург стремился к этому. Ведь в основе замысла — идея, связанная с важнейшей общественной проблемой гармонического воспитания нового человека. Нельзя только забывать, что высокую драму составляют высокие события и крупные образы. Конкретные же действия, поступки, мысли героев театральной повести Арбузова носят частный, обыденный характер, не соответствующий в основе своей той тональности, которая взята драматургом для выражения основной мысли. И вот уже появляется авторская заданность в расстановке сил, в разрешении сюжета. И нарочитым выглядит психологически неподготовленное «прозрение» ребят, явно приписанная Ильиной победа.

ДУМАЕТСЯ, ошибка Арбузова заключена в тщетной попытке предельно укрупнить частное, незначительное, героизировать негероическое. Вознесенная на пьедестал обыденность неожиданно приобретает не свойственные ей черты обобщения. Тут уж не сбалансируешь различными оговорками, остроумными полемическими шпильками и даже глубокими размышлениями à part на весьма серьезные темы.

Нет, не радует и не волнует декларированный автором успех общественной миссии героини. И с удивлением замечаешь, что ее «личное» захватывает как-то больше.

...Когда-то Сашу Ильину любил юноша. Она, кажется, тоже любила его, а вышла замуж за другого. Чего не случается в жизни! Сейчас она «холосточка»: не захотела вечно «обслуживать» своего знаменитого мужа, поняла, что годна на большее.

Юноше из ее молодости, Андрею Ильичу Греку, уже 48 лет, он любит свою жену, видимо, счастлив с нею. Но как ощутимо нежны и его чувства к Саше Ильиной, которая, кажется, только сейчас понимает до конца, как она любила его тогда.

Бывают чувства, которые сегодня, в наш несентиментальный век, почти невозможно выразить в словах. И никто не осудит драматурга, если он умолчит о чем-то. Арбузов не умолчал. Он написал квартал, как бы возникающий в воображении героев. Грек и Ильина, жена Грека и муж Ильиной... Разговор идет о самом интимном. Сталкиваясь, переплетаясь и расходясь, почти одновременно звучат четыре голоса. И мы ощущаем здесь живое проявление человеческого чувства, умную сложность жизни.

Как бы ни был необычен драматургический прием сам по себе, когда он помогает наиболее полно раскрыть реальное содержание события, проанализировать движения человеческих чувств, мы видим — он служит развитию реалистической драматургии.

Но мы видим также, что успех не определяется одним только интересным построением драмы! И когда в крупных формах лифонической композиции не выощается большое содержание, трудно ожидать творческой удачи.

Жаль, что именно это в главном, определяющем произошло с пьесой «Нас где-то ждут...».